

УДК 81 (574)

У.М.Бахтикиреева

Российский университет дружбы народов, Москва

О казахской филологии: взгляд извне

В данной статье автором осмыслены некоторые актуальные вопросы казахской филологии и языкового строительства на современном этапе. Изучая научную литературу в основном на русском и английском языках, автор выстроил свою позицию в осмыслении казахской языковой системы, литературы и шире — культуры. Показано, что интернационализация лексики в специальной научной и технической терминологии облегчает межъязыковые контакты и одновременно свидетельствует о развитии казахского языка.

Ключевые слова: казахская языковая система, казахская литература, казахская культура, интернационализация лексики, межъязыковые контакты, тюркские языки.

Неклассический тип рациональности, как известно, концептуальным образом отличается от классического типа и актуализирует эпистемологическую позицию исследователя. Исследователь в рамках постнеклассического типа научной рациональности не может не быть пристрастным (Е.Ф. Тарасов, В.П. Синячкин и др.). По нашему мнению, исследователь всегда был пристрастен, независимо от типа рациональности, но в условиях информационного общества он не старается свое пристрастие завуалировать.

Что мне хотелось бы вынести для обсуждения в «Вестнике КарГУ», широко известном в Республике Казахстан и далеко за его пределами?

Будучи диаспоральным представителем казахского этноса и филологом (русистика и англистика), я одновременно занимаюсь теоретическими вопросами казахского языка и культуры. Роль манкурта за пределами казахстанского ареала в его современном государственном оформлении меня не прельщает, потому в круг моих научных интересов входят скромные исследования, связанные с казахской филологической наукой.

Поскольку мои познания зиждятся на научной литературе, созданной в основном на русском и английском языках, у меня выстроилась своя позиция в осмыслении казахской языковой системы, литературы и шире — культуры. Выражаю надежду на то, что некоторые мои рассуждения представятся специалистам интересными:

1. О современных дискуссиях в отношении перехода на иную графику

Казахская языковая система формировалась в достаточно сложном контексте исторических катаклизмов, пережитых казахским этносом. Мои познания из истории развития казахского языка позволяют мне присоединиться к мнению известного ученого из Узбекистана Маханбета Джусупова, которое представлено полностью на страницах его учебного пособия. Приводим цитату ученого: «История народа не бывает мононаправленной. Так, географическая полиустроенность казахского народа не повлияла на его языко-речевое поведение, но повлияла на отражение казахского языка и казахской звучащей речи на письме. Поэтому современное казахское общество в смысле письменности неоднородное. В Казахстане — кириллица; у казахов Китая — сингармонизированное арабское письмо, адаптированное к тюркскому (казахскому) сингармонизму, созданное в начале XX в. А. Байтурсиновым; у казахов Турции — латинское письмо; у казахов Монголии — кириллица (как в Казахстане). При этом средство общения одно — казахский язык. Переход на другую графику кос-

нется и их. Кстати, сейчас все они владеют (или почти все владеют) кириллицей. В случае смены графики в Казахстане им тоже придется переучиваться» [1; 25,26].

Проблема перехода на иную графику далеко не праздная. Дело в том, что в век лавинообразного потока информации, за которой должен следить любой исследователь, необходимо будет затрачивать время и энергию на освоение латинской графики. А потом новые поколения исследователей казахского языка и культуры будут вынуждены тратить время, переключаясь на кириллическую кодировку. Переключение с одного кода на другой требует затраты энергии, но грамотный исследователь вынужден это делать для того, чтобы ознакомиться с накопленными знаниями на той или иной графике. Может ли кто-то с уверенностью сказать о том, сколько лингвистов обращается к тому наследию, которое оставлено нам предыдущими учеными-казаховедом на арабской или латинской графике?

В цепочке преемственности знаний образовались помехи в передаче информации от одного поколения к другому. Целые пласты опыта, выработанного за многие века предыдущими поколениями казахов и запечатленные в письменной форме на разной графике, остаются во многом невостребованными.

2. О внутренней детерминанте казахского языка

Преданное школярство научной и интеллектуальной жизни в России за последние два века было отмечено постоянными попытками адаптировать западные образцы наук. И это не могло не сказаться на казахском языкознании. Казахстанская наука воспринимала западноцентристские теории во вторичном их изложении (с русского, в основном). Мы сейчас стали осознавать, что развитие лингвистической науки могло быть более многогранным и плодотворным в отношении тюркских языков, в частности казахского языка. Об этом говорил не только Трубецкой, но и другие, оставшиеся без особых откликов и научных рефлексий. Л.В. Щерба призывал к тому, чтобы **«грамматики разных национальностей в пределах Союза (ССР) должны, прежде всего, сбросить с себя иго русской грамматики <...> грамматика и словарь каждого языка обязательно были составлены совершенно независимо от других языков! Каждый язык должно рассматриваться как нечто вполне самодавяющее, и лишь затем в целях методических, для облегчения взаимного обучения, можно проводить сравнение двух языковых систем»** [2; 317].

Г.П. Мельников в 70-х годах подвергал критике стремление установить любым путем в системе тюркских языков аналогичные категории русского языка, ведущее к усложнению и чрезмерной нагрузке теории (знания) данных языков.

В частности, ученый указывает на то, что всякое распределение лексического материала на формальные грамматические ряды слов (напр., на части речи) препятствует универсальности использования слова в роли члена предложения. По мнению ученого, дифференциация слов по частям речи противоречит определяющей тенденции в развитии строя языка, представляющей те ограничения, в рамках которых языковая система должна выполнять свои функции [3; 125].

Статья Щербы «К вопросу о двуязычии» вышла в свет в 1974 г., после работы Мельникова. Спустя год, в 1975 г., независимо от нее, Сулейменов пишет о необходимости пересмотра основополагающих построений в отечественной лингвистике. Предлагалась программа пересмотра взглядов индоевропеистики на тюркологию: **«Тюркское языкознание, являясь младшим детищем индоевропейского, послушно повторило цели, методы и ошибки своей родительницы.** Много общего в начальной истории двух наук, порой совпадения были буквальными. Но индоевропеисты в отличие от тюркологов отказывались от своих ошибок, тогда как вторые продолжали их развивать. Против метафизического применения приемов индоевропейской лингвистики в изучении тюркских языков выступал в свое время Н.Я.Март (1937 г.). Он говорил о том, что тюркские языки «генетически не только не разъяснены, но и не освещены ни в какой мере» [4; 208–262] (но О. Сулейменова предпочли уподобить «скотине, допущенной в русские древности», а «свои» устно уличали его в том, что «продался русским за комсомольские премии», третьи — в «пантюркизме», «сионизме», четвертые — в «панславизме»).

О.О. Сулейменов, ссылаясь на труды Н.Я. Марра, пытался в 1975 г. привлечь внимание к языковым проблемам, которые в случае проявления заинтересованного пересмотра могли бы стать сейчас основой для многих научных изысканий и уберечь от дальнейших ошибок. Эта насущная проблема остается одной из основных и в последних книгах лингвиста О.О. Сулейменова: «Язык письма» (1998), «Тюрки в доистории» (2002).

История развития науки о философии языка, о языке могла и может пойти другим путем. На эту возможность указывала Э.Д. Сулейменова в 1982 г., сравнивая научные концепции арабского фило-

софа Абу Хайяна ат Таухиди и Вильгельма фон Гумбольдта [5], которые практически не подвергаются научной рефлексии в российской лингвистике. **Особую важность для казахского языкознания имеют труды русского ученого-системолога Г.П. Мельникова.** Лингвистическая концепция ученого суть системная типология языков.

Подвергая осмыслению внутренние формы четырех морфологических типов, выделенных фон Гумбольдтом, Мельников на основе трудов основоположников системной лингвистики обосновывает внутренние детерминанты четырех типов языков. Лингвистическая концепция ученого позволяет расширить исследовательское поле не только общего языкознания, но и частного, в том числе казахского. «Системная типология языков» [6] важна для осмысления и описания внутренней детерминанты казахского языка, ценна и для теории языковых контактов, казахско-инонационального билингвизма, теории перевода и в целом для дисциплин, относимых к антропоцентрической парадигме современного языкознания: когнитивной лингвистике, этно (психо) лингвистике, лингвокультурологии, социолингвистики.

Пытаясь понять, почему российский филолог не знает казахскую культуру, запечатленную в переводной литературе (например, поэзию жырау, которую мы расцениваем как часть ядра казахской культуры), я пришла к выводу о том, что переводы на русский язык были осуществлены без глубокого понимания **внутренней детерминанты казахского языка, тесно переплетенной со всеми формами казахской культуры.** В отличие от внутренней формы русского языка, которую Г.П. Мельников определяет как *событийную, внутренняя форма казахского языка — (качественно-) признаковая.* И если бы профессиональные переводчики не стремились втиснуть форму казахского языка в метрику русского стихосложения, мы бы имели достойное представление **поэзии жырау, которая, кстати, не имеет аналогов в мировой культуре.** Качественно-признаковая детерминанта казахского языка может быть адекватно выражена на русском языке при «эксплуатации» синтаксических возможностей последнего. Русские причастия, деепричастия, причастные и деепричастные обороты, краткие прилагательные способны адекватно отражать посыл автора, его мысль, его обращение к читателю.

3. *Казахско-русский (русско-казахский) билингвизм: деформация или реформация языкового сознания казахов?*

Ползучая экспансия Российской Империи формата XVII–XIX вв. и этноязыковое строительство СССР отразились на сознании казахского этноса (как отразилась бы любая экспансия, на которую обречены этносы, не способные на определенном этапе исторического развития самостоятельно отстоять свою государственную независимость). Для судьбы этноса, его опыта освоения окружающей действительности, выработанного предшествующими поколениями казахов, и казахской культуры в целом взаимодействие с метрополией во многом стало определяющим и самоценным. Казахская культура приобрела новые цивилизационные формы; восточная, точнее, **центральноазиатская парадигма казахского этноса поменялась во многом на европейскую в ее так называемой вторичной модели.** Ведь приобщение к европейским культурным формам шло через русский язык и русскую науку и культуру. Отодвигая собственно казахскую ментальность, раздвигая мировидение, казахский этнос менялся.

Колониальная политика царской России и господство советской идеологии оставили свой неизгладимый след в казахской культуре. Россия, начавшая испытывать комплекс неполноценности перед европейским миром, особенно в период царствования Петра, была озабочена «окультуриванием» русского человека. Вторичность «окультуривания» народов, входивших в состав империи, очевидна. Только одно определение «инородец» служило маркером для выделения «своих» и «чужих/иных/других». Казах, как и многие другие «инородцы» в составе сложной конфигурации Российской, а затем Советской Империи, всегда ощущал себя **«внутренним иным».** **С одной стороны, раздвигались рамки мировидения, в определении фон Гумбольдта, с другой — этнический язык из ядра языкового сознания многих казахов уходил на периферию.**

По мнению ученого-русиста из Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, использование русского языка как мощного формообразующего средства в политической сфере общественного сознания; вхождение через посредство русского языка терминов и понятий мировой политической теории и практики в фонетически, морфологически и семантически адаптировавшихся национальных языках; формирование национальных форм правового общественного сознания; национального научного сознания, вхождение в национальные языки научной терминологии всех областей научного знания из научного русского языка; возрастание роли русского языка в национальных формах рели-

гиозного сознания (употребление русского языка как средства полемики не только с христианством в целом, но и с исламом, иудаизмом; активизация употребления русского языка в деле формирования новых, альтернативных религиозных форм общественного сознания в национальных сообществах СНГ; активное употребление русского языка в качестве средства в сфере эстетической формы общественного сознания; функционирование русского языка в качестве формирующего и развивающего средства национальных форм этического сознания, философской формы общественного сознания при доминирующей роли русского языка — **неоспоримый факт** [7;157].

Возьмем самый заметный пример. Интернационализация лексики наблюдается в специальной научной и технической терминологии. Ее общность облегчает межъязыковые контакты и одновременно свидетельствует о развитии казахского языка. Показателен тот факт, что в двух разноразличных языках лексика образуется по сходной словообразовательной модели. Например, прилагательные: *имперский, империялық; индукционный, индукциялық; индустриальный, индустриялық; интернациональный, интернационалдық; гуманистический, гуманистік; реалистический, реалистік; символический, символдық; социалистический, социалистік; максимальный, максималдық; механический, механикалық* образованы непосредственно от исходных основ *индукция-, индукция; индустрия-, индустрия; интернационал-, интернационал; гуманист-, гуманист; реалист-, реалист; символ-, символ; социалист-, социалист; механ-, механ; и мн.др.*

А такие существительные, как: *гуманист, интервью, инфляция, император, иммиграция, максимализм, максимум, механизация, механизм, механик, механика; металл, металлист, металлург, металлургия; метаморфоза, метатеза, метафора, методология, миграция, миссия* и мн. др. полностью перенесены в казахский язык.

Интересен и такой факт: на основании проведенного исследования в РУДН и МГИМО выяснилось, что большинство студентов — этнических казахов, обучающихся в российских вузах, не могут назвать основополагающие концепты культуры на казахском языке (даже такие, как Млечный путь). И этническая размытость по сравнению с другими студентами из стран СНГ характерна для казахов. В то же время мы можем назвать сотни имен казахов, овладевших русским языком, но не говорящих на этническом. И большинство из них подлинно творческие личности, с глубокой мировоззренческой позицией, которые в маргинальной ситуации восходят к **национальному самосознанию**, преодолевая в себе двойственную неопределенность (этническая идентичность — казахская, а языковая идентичность — русская).

Об этом писал в 1997 г. Мурат М.Ауэзов. Говоря о русскоязычных казахах-писателях, он отмечает: **«Национальный язык в этом случае становится объектом, на повышение общественной роли которого направлены его усилия, хотя в собственной практике он может предпочесть тот язык, которым лучше владеет как средством достижения своих мировоззренческих целей.** <...> Совокупная деятельность творческих личностей, преодолевших уровень маргинальности и обретших себя в качестве субъектов национальной культуры, способствует, в конечном итоге, снятию противоречий двумя ее «ветвями» и решению общих задач ее развития» [8; 208,209].

4. О перспективах казахского языка и культуры

В последние два десятилетия идет переосмысление и описание многих аспектов тюркологии, причем на всех уровнях языка. Очевидно, что многие вопросы истории развития культур и языков будут корректироваться в соответствии с новыми исследованиями, проливающимися свет на развитие казахской письменной культуры.

В вышедшем в 2003 г. научном издании «История и теория древнетюркского письма» известный ученый-тюрколог А.С. Аманжолов на основании своего фундаментального исследования заключает: «Наличие у древних тюрков древнегреческого алфавита, характерного для середины I тысячелетия до н.э., и тюркского рунического алфавита, возникшего, судя по всему, не позже середины I тысячелетия до н.э., недвусмысленно указывает на поразительное совпадение исторических судеб этих близкородственных алфавитов в долине Или и свидетельствует о древнейшей письменной традиции тюркоязычных племен. <...> **Ранние типы письма (пиктография, идеография), засвидетельствованные на территории Казахстана, отражают этапы развития прототюркской цивилизации при неперенной организующей роли языка и письменности.** <...> Палеографический анализ древнетюркских рун, в свою очередь, приводит к выводу о весьма ранней дате сложения тюркского рунического алфавита в Южной Сибири и Семиречье — не позже середины I тысячелетия до н.э. Этот алфавит обнаруживает близкую генетическую связь, во-первых, с ранними типами древнегреческого алфавита (особенно с малоазийскими и италийскими), и во-вторых, с северносемитско-финикийским

(в том числе с ранним арамейским) и южносемитскими алфавитами. Вместе с тем тюркский рунический алфавит выступает как очень богатая и вполне самостоятельно сложившаяся графическая система. Тесная генетическая связь тюркских рунических знаков с ранними семитскими, древнегреческими, италийскими и малоазийскими буквами объясняется тем, что тюркский рунический алфавит прошел долгий путь развития и, по-видимому, восходит к древнейшему общему источнику алфавитных письменностей. <...> Для решения проблемы происхождения тюркского рунического алфавита важное значение приобретает гипотеза о древнейшей генетической общности тюркских языков с индоевропейскими» [9; 307,308].

В этом контексте особенно нелепыми представляются мысли западноевропейских исследователей, взиравших на тюркские языки (или «урало-алтайские наречия»), как на примитивные языки («недобелочеловеков» в западном понимании). Например, О. Бетлингк в связи с навязанными этнопсихологическими идеями Г. Штейнталя, писал, что **«гармония гласных в урало-алтайских языках — это лишь одна из форм проявления «косности урало-алтайцев, свойственной их культуре и мышлению, и даже физиологии»**. Б. Мальмберг был уверен, что наличие гармонии гласных в языке следует рассматривать как проявление **«примитивности»** этого языка [6; 328, 329]. Другие (например Виоле ле-Дюк), вообще считали **«кочевников «трутнями» человечества»** [10; 5].

Аналогичную А.С. Аманжолову точку зрения о связи тюркских языков с индоевропейскими высказывает российский ученый (г.Москва) В.А. Чудинов, который в своей статье **«Были ли германцы прежде тюрками? (к постановке проблемы)»** [11] пишет о том, что первая стадия развития германских языков — это тюркская, а вторая — их русификация. И только пройдя ее, они стали древне- и среднегерманскими. По его мнению, «первая, чисто тюркская стадия — самая сложная для реконструкции». Тем не менее ученый приводит довольно интересные аргументы, доказывающие выдвинутую им гипотезу примерами на лексическом и графическом уровне.

Ссылаясь на работу Л.Н.Рыжкова «О древностях русского языка» (М., «Древнее и современное», 2002), В.А. Чудинов приводит цитату из древнего скандинавского источника XIV в. «Описание земли»: **««В начале всех достоверных рассказов на северном языке говорится, что север заселили тюрки и люди из Азии. Поэтому с уверенностью можно сказать, что вместе с ними пришел на север и язык, который мы называем северным и распространился этот язык по Саксланду (то есть Саксонии), Данморку (то есть Дании) и Свитьод (то есть Швеции), Норвегии и по некоторой части Англанда (то есть Англии)»**.

Из этой цитаты ясны два очень важных факта: древние германцы были тюрками, и они называли свой прагерманский язык северным. Это очень важное свидетельство, однако оно подлежит проверке» (В.А. Чудинов).

Наши исследования английского и казахского языков позволяют нам поддержать гипотезы В.А. Чудинова не только на лексическом уровне, но и на грамматическом, особенно в части выражения временных форм. Интересным представляется то, что поэзия жырау адекватно переводится на русский язык и в размере стиха, который принято называть греческим гекзаметром.

В сочинении «По ту сторону добра и зла», в отделе первом «О предрассудках философов» (в пункте 20), Ницше выдвигает тезис об «удивительном сходстве всего индийского, греческого и германского философствования», выводя его из «родства языков, благодаря общей философии грамматики, то есть благодаря бессознательной власти и руководительству одинаковых грамматических функций». Ницше не отрицает возможности существования иных, по сравнению с индийским, греческим и германским философствованием, типов философствования, иных объяснений мира, т.е. он считает, что двери в здание, именуемое философией, не закрыты и для других народов, объединяемых иными языками и наречиями. Так, например, **по мнению Ницше, с большой вероятностью можно предположить, что «философы урало-алтайских наречий (в которых хуже всего развито понятие «субъект») иначе взглянут «в глубь мира» и пойдут иными путями, нежели индогерманцы и мусульмане: ярмо определенных грамматических функций есть в конце концов ярмо физиологических суждений о ценностях и расовых условиях»** [12].

Представляется важным отметить то, что термины, обозначающие философские понятия, пополняют лексический состав казахского языка и формируют (возрождают?) казахское философское осмысление действительности. Так, известный культуролог, поэт, писатель и переводчик Ауэзхан Кодар, переведивший **«Фатальные стратегии»** Бодриара (1983), замечает, что трудность для перевода представляло уже само название. «Особую трудность вызвал и перевод понятия «зла». На казахском языке понятие «зло» скорее ближе к субъективной установке, чем объективному принципу» [13].

Другой переведенный А. Кодаром автор Жан-Франсуа Лиотар «Состояние постмодерна» (1979). Сложности вызвали многие понятия и слова, в том числе «метафизика», впервые употребленное Аристотелем, «перформативность», «легитимация». Трудности вызывал и способ мысли Деррида — «деконструкция». Терминологии Делеза — Гваттари посвящена метафорическому исследованию номадического образа мысли.

Какие перспективы казахского языка и культуры можно обозначить?

По крайней мере, мы можем смело утверждать, что субъект в казахском языке выражен менее агрессивно, чем в западноевропейских. Тем не менее острая нехватка в *Грамматике современного казахского языка* совершенно очевидна. Мы неоднократно говорили и писали о том, что из учебников казахского языка разных авторов непонятно, сколько же на самом деле наклонений. Почему четыре вспомогательных глагола (*отыр, тұр, жүр, жатыр*) на русский язык практически не переводятся, в то время как они присутствуют в языке с незапамятных времен, несмотря на известный закон экономии, непременно действующий для всех языков. Разве предложения: «*Оля кітап оқып жүр (жатыр, отыр, жүр)*» эквивалентны одному русскому: «Оля читает книгу»? **В них заложена особая ментальность казахского этноса, которую все еще хранит язык, но «забыла» наша светлая память.** На самом деле, все понимают, что время и пространство в языковых картинах мира кочевников (казахов) и земледельцев (русских) имеет свои принципиальные отличия (об этом, кстати говоря, пишет в своей научно-популярной книге Бахыт Г. Каирбеков), но нет сравнительных описаний. Сравнение и сопоставление позволяют вычленить свое особенное, присущее конкретному этносу и картине мира. Немало казахов, живущих в Российской Федерации (а всего — более 980 тыс.), а также и в Республике Казахстан, хорошо знают различия в русской и английской языковых картинах мира, но едва ли аналогичные знания они могут предоставить о казахском языке в сравнении с русским. Можно ли их назвать *семилингвами* (полуязычниками) — «осовеченными манкуртами», в памяти которых существуют отдельные фрагменты казахской языковой картины мира?

Что оставит в скрижалях летописи человеческой цивилизации казахская культура? Ведь, по мнению некоторых ученых, эта страна известна миру своей громадной территорией. «Казахстан имеет гигантскую территорию в 2.717.300 кв.км. (больше, чем Саудовская Аравия), **это его наиболее заметная выдающаяся особенность** (он был второй по величине территории республикой в составе Советского Союза, следующей за РСФСР, и сохранил такое положение в системе СНГ). Он граничит с Россией, Китаем, Кыргызстаном и Узбекистаном» [14; 387]. Ссылаясь на работу М.В. Olcott [15], ученые, по всей видимости, согласны с ней в том, что «**Казахстан — это случайная, искусственно созданная страна, нация, выкроенная из Советской республики, границы которой никогда не мыслились как границы независимого государства**» [14; 387,388] (выделено нами. — У.Б.).

Независимость государства обеспечивается множеством факторов, едва ли не в первую очередь языковыми. Языковые факторы наравне с географическими (в пределах государственных границ) и другими образуют собой подсистему государственной системы. Как только одна из подсистем начинает слабеть, начинает слабеть вся система. Как же обеспечить витальность, жизнеспособность казахского языка?

Ответ: только привлекательностью страны. (Что значит привлекательная страна — тема для другой статьи.) Если индивиду внутри и вне Казахстана будет выгодно реализовать себя как личность в этой стране, он будет овладевать казахским языком. Мотивационные предпочтения человека суть витальности того или иного языка. А мотивация, прагматика увеличивается в прямо пропорциональной зависимости от привлекательности страны. Язык нельзя навязать сверху. Язык возрождается и обретает новую жизнь только тогда, когда люди выбирают его как свою перспективу, как свою судьбу, т.е. как осознанную перспективу формировать новые смыслы на конкретном языке.

В советский период развития казахского этноса интеллектуальная казахская элита подвергала глубокому осмыслению тот факт, что значит владеть языком метрополии и при этом ощущать свою принадлежность к своему этносу.

Особый интерес представляют отрывки из «Дневников» Мурата Ауэзова (2011) [16; 193]. 27/VI/1978. «Пишу на русском языке, но не «по-русски». *Русскоязычие — оружие формирующегося национального самосознания.* Этого не замечает пока прорусский партийно-государственный аппарат, воодушевленный успехами языковой ассимиляции нерусских компонентов «новой исторической общности». Не видят этого те из соплеменников, в ком вытравлено чувство исторического оптимизма, кто не в состоянии видеть национальную жизнь как процесс, чреватый неожиданными ресурсами самообеспечения.

Прежде бывало так. Настраиваюсь, нащупываю интонацию. Разогреваются слова и мысли. Одна, часто случайная, залетная, фраза вдруг дает необходимый настрой. Слова перестают быть сложностью, охотно идут навстречу, предлагают себя на выбор. Люблю этот праздничный сбор слов под знаменами готовой к походам мысли.

Не то на сей раз. Не дается начало. Долго вожусь с ним. Притаились, попрятались слова. Я к ним с призывом — одолеем молчанье, они настороже: как бы самим в нем не стинуть. Долго в дольном мире отирались, суете прислуживали, иной цены за собой, кроме рыночной, не помнят, вот и страх у них и смятенье».

Январь 1977. «Мой русский язык — непритязательный, маленький костер, огня которого вполне достаточно, чтобы высветить определенный объем информации и лица собеседников. Русским языком творить казахское вольное слово... попытка возможна, твердая решимость моя меня в том убеждает, но и сложна, хотя бы потому, что это язык всегда ощущается мною как чуждый, способный выразить мое ожесточение, но не любовь, не чувства нежные, глубоко интимные, незащищенные в своей откровенности. Это нелегко объяснить, но факт остается: даже в те периоды своей жизни, когда владел только русским языком, я не доверял ему своих самых глубоких переживаний. Всегда находились, а порою и просто придумывались звукосочетания, фонетически близкие к словам сокровенным в тюркоязычной лексике. За этим не было сознательной позиции, осознанных протюркских настроений. Мы, русскоязычные казахи, начинали осваивать мир с помощью звуков, ритма, мелодики, знаков родной речи. В нашем русском языке, как правило, не функционирует с полной мерой нагрукси лексический слой детских слов, первых, крупных, святых».

Аналогичную идею в художественной форме воплощает ученый и писатель М.В. Тлостанова во втором своем романе «Залумма Агра» (год издания 2011) [17; 231]:

«Как ей хотелось цитировать наизусть Навои, Бабур или Лютфи вместо этого «нелепо ли ны башеть». Как компенсировать это незнание, это вынужденное насильственное невежество, всегда отмеченное тягостным чувством вины? <...> Потому что ее многочисленные чужеродности — **отрезанный язык, искромсанная культурная традиция, затоптанная вера, сложная и к тому же тщательно скрываема́я этническая принадлежность и социальное происхождение** — наслаивались одна на другую и мешали ей слиться с Бинкентом — со старым и с новым. Как чувствовала себя она, предназначенная для иного и лишённая этого права и даже памяти и знания о нем?

На одной чаше весов была традиция, но и отсутствие адекватного современного образования и возможностей роста, статуса, социального положения. На другой — **русскоязычие, потеря связей со своим миром, и вместе с тем, обещание призрачного успеха в уродливом советском социуме. Это не настоящий выбор, а мнимый, но Родо все равно всю жизнь себя в нем винила**» (выделено нами. — У.Б.).

Русский был государственным языком, даже несмотря на то, что «признать за ним статус государственного языка боялись, так как в публицистических работах В.И. Ленина дореволюционного периода понятие государственный язык окутывалось только негативными коннотациями. <...>. Достойно сожаления, что в советское время ни руководство страны, ни социолингвисты глубоко не входили в языковые отношения и проблемы многоязыкового государства, — скорее, наоборот, они почти не опускались с директивно-пропагандистского уровня».

Указывая на главную ошибку советской социолингвистики, постоянно повторявшей клише «об окончательном решении этноязыковых проблем в СССР», ученый считает, что такая позиция обусловила в значительной степени закрытие перспективы для других языков. Она «не только не решила назревшие проблемы языковой жизни СССР, но и разрушила саму страну, принесла этим неисчислимы́е страдания миллионам людей» [18; 30, 31].

Не хотелось бы, чтобы некоторые мои размышления были восприняты коллегами однозначно и поверхностно, как очевидное неприятие иного языка, как средства, как инструмента выражения личности. Я сама — яркий пример человека, этническая и языковая идентичность которого не совпадают однозначно. Вероятно, нет разницы в том, на каком языке выражаются мудрые мысли. Главная мысль здесь заключается в том, насколько филологам, тюркологам важно понимать неоднородность казахстанского социума, многим этническим группам которого нельзя навязать «казахскость», как в советские времена этнически не русским людям навязывалась «русскость»:

«Но национальная политика не стояла на месте. К середине XX века власти решили, что вместо прежней коренизации и ускоренного выращивания произвольно отобранных наций, имевших уже за прошедшие полтора десятилетия возможности пройти свой эволюционный путь, пора уже из них

делать русских. Хотя, с другой стороны, этой чести удостоить «туземцев» были готовы очень немногие чиновники. Империя запуталась в своей риторике и двойных стандартах. Что же было говорить о тех, кто был объектом ее противоречивых экспериментов? С одной стороны, родная страна намертво фиксировала биологическую этничность в паспорте, насильно навязывая ее человеку, хотя она часто не имела ничего общего с его индивидуальным самоощущением. С другой, светлый идеал будущего советского метиса с узнаваемо русской основой звал к тому, чтобы отметить особенно образцовых «кинородцев» почетным званием русского. <...> Русский человек, если он великодушен, не расист, не шовинист, непременно хочет всех других поглотить своей рускостью, вместить, включить в себя, размешать в себе. Ему кажется, что он всем делает лучше, повышает их статус до русскости. Вот и этот человек с лучшими побуждениями не страдает критической «рускостью», как американец или европеец страдали бы «критической белизной». Он по-прежнему безмятежно убежден, что принадлежность России прекрасна и никак не поймет, почему мне не нужен его искренний дар» [17; 240, 360].

Одновременно с этим структурирование государства, его строительство невозможны без языковой политики, языковой идеологии, языкового планирования, языкового строительства. Знание государственного языка должно становиться условием успешной реализации индивида как личности, включая продвижения карьеры, адекватного мотивационным предпочтениям статуса и проч. В этом контексте выдвинутая казахстанским государством *идея профессионального триязычия*, как бы, дихотомична. С одной стороны, необходимость использовать исторический шанс возрождения казахского языка, с другой — не отстать от мира (вырваться из «бытия-в-мифе» и осуществлять свое «бытие-в-мире»), — по всей видимости — реальная социолингвокультурная ситуация.

В ситуации повседневной жизни (alltagsleben) важным становится и вопрос языкового сопротивления, языкового противостояния, который может возникнуть в любой момент, когда забываются уроки прошлой истории, в частности, уроки языковой идеологии российской/советской империи [19; 508], отодвинувшей на периферию национальные языки, но выдвинув только один — государственный.

Список литературы

- 1 Джусупов М. Письмо — язык в графике (казахская письменность во временном и географическом пространстве) // Вестн. Российского ун-та дружбы народов. Сер. Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2011. — № 4. — С. 25, 26.
- 2 Щерба Л.В. О взаимоотношениях родного и иностранного языков // Языковая система и речевая деятельность. — М.: Наука, Ленингр. отд-е, 1974. — С. 338–343.
- 3 Мельников Г.П. Принципы системной лингвистики в применении к тюркологии // Структура и история тюркских языков. — М.: Наука, 1971. — С. 121–137.
- 4 Сулейменов О.О. Азия. Книга благонамеренного читателя. — Алма-Ата: Жазушы, 1975. — 304 с.
- 5 Сулейменова Э.Д. Казахский и русский языки: основы контрастивной лингвистики. — 2-е изд. — Алматы: Демей, 1996. — 208 с.
- 6 Мельников Г.П. Системная типология языков: Принципы, методы, модели. — М.: Наука, 2003. — 395 с.
- 7 Шапошников А.К. Академик О.Н. Трубочев о роли русского языка в СССР и СНГ // Русский язык как язык межкультурного и делового сотрудничества в полилингвальном контексте Евразии: Материалы II междунар. конгресса. — Астана: ИД «Сарыарка», 2009. — Т. 4. — 720 с.
- 8 Ауэзов М.М. Иппокрена. Хождение к колодецу времен. — Алматы: Издат. дом «Жибек жолы», 1997. — 170 с.
- 9 Аманжолов А.С. История и теория древнетюркского письма. — Алматы: Мектеп, 2003. — 368 с.
- 10 Гумилев Л.Н. Древние тюрки. — М.: Тов-во «Клышников – Комаров и К°», 1993. — 524 с.
- 11 Чудинов В.А. Были ли германцы прежде тюрками? (к постановке проблемы) <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0211/008a/02111041.htm>
- 12 Корнеев М.Я., Торчинов Е.А. Хайдеггер и восточная философия: поиски взаимодополнительности культур http://fictionbook.ru/author/mihail_yakovlevich_korneev/hayidegger_i_vostochnaya_filosofiya_pois/read_online.html?page=7
- 13 Кодар А. Философская терминология как творение концептов: из опыта переводов творческой билингвальной личности // МЕГАЛОГ. — 2009. — № 2. — С. 243–247.
- 14 Червоная С.М., Гилязов И.А., Горошков Н.П. Тюркизм и пантюркизм в оригинальных источниках и мировой историографии: исходные смыслы и цели, парадоксы интерпретаций, тенденции развития // Журнал АС-АЛАН. — 2003. — № 1 (10). — 480 с.
- 15 Olcott M.B. Democratization and the Growth of Political Participation in Kazakhstan // Conflict, Cleavage, and Change in Central Asia and the Caucasus. — Cambridge university press, 1997. — P.201–241.
- 16 Ауэзов М.М. Дневники. — Алматы: Издат. дом «Жибек жолы», 2011. — 237 с.
- 17 Глостанова М.В. Залумма Агра: Роман. — М.: Изд-во «Спутник +», 2011. — 403 с.

18 Дуличенко А.Д. Русский язык: покидая XX век... (некоторые размышления) // Русский язык как язык межкультурного и делового сотрудничества в полилингвальном контексте Евразии: Материалы II междунар. конгресса. — Астана: ИД «Сарыарка», 2009. — 720 с.

19 Федюнькин Е.Д. На задворках империи / Склока о Полку Игорева // Журнал АС-АЛАН. — 2003. — № 1(10). — С. 508; См. также Интернет-ресурс: <http://www.info.jinr.ru/~bljv/igor.htm>

У.М.Бахтикиреева

Қазақ филологиясы турасында: сыртқы көзқарас

Мақалада автор (түркітанушы болмаса да) қазақ филологиясының кейбір өзекті мәселелерін және де қазіргі кезеңдегі тілдік құрылымын зерттеуге талпыныс жасайды. Ғылыми әдебиетпен, негізінен, орыс және ағылшын тілдерінде жазылған, танысу барысында қазақ тілінің жүйесі, әдебиеті, мәдениеті туралы автордың өз көзқарасы қалыптасқан. Сондай-ақ арнайы ғылыми және техникалық терминологияда интернационалдық сөздердің болуы тілдік қарым-қатынастың жеңілденуіне әкеледі, сонымен бірге қазақ тілінің дамуының дәлелі деп есептейді.

The author of the article (is not the very specialist in Turkic studies) tries to comprehend some of the topical issues of the Kazakh Philology and language engineering at the present stage. By studying the scientific literature mainly in Russian and English languages, the author has lined up his position in understanding Kazakh language system, literature and wider, culture. The author believes that the internationalization of the vocabulary in specific scientific and technical terminology facilitates interlinguistic communication and at the same time indicates the development of the Kazakh language.